

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9; 159.9.072.432

Вербальные характеристики распознавания обмана в разных условиях проведения интервью

А. В. Шаболтас¹, Ю. В. Гранская¹, М. В. Халеева¹, А. Врай²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² University of Portsmouth,
Great Britain, University House Winston Churchill Avenue Portsmouth Hampshire PO1 2UP

Для цитирования: Шаболтас А. В., Гранская Ю. В., Халеева М. В., Врай А. Вербальные характеристики распознавания обмана в разных условиях проведения интервью // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 1. С. 45–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2019.104>

В статье представлены результаты российской части кросс-культурного исследования, проведенного в Санкт-Петербургском государственном университете в 2014–2015 гг. в рамках международного проекта изучения влияния переводчика на проведение интервью и вербальные характеристики распознавания обмана, осуществленного в Великобритании, США, Южной Корее и России. Цель исследования заключалась в выявлении различий между говорящими правду и обманывающими в ходе интервью с участием переводчика и на неродном (английском) языке. Были поставлены задачи: выявление вербальных характеристик обмана, оценка эффективности метода, поощряющего интервьюируемого к более подробному рассказу (аудиозапись-образец). Всего в экспериментальном исследовании приняли участие 65 человек обоего пола, средний возраст — 21,2 года. В процессе рандомизации участников распределяли на две группы — говорящих правду и обманывающих. В качестве основных параметров учитывались общее время ответов на вопросы, количество деталей, выражение сомнений в собственных словах и деталях воспоминаний. Результаты показали, что обманывающие лица сообщают меньше информации во всех условиях проведения интервью, менее охотно признаются в обрывочности своих воспоминаний. В ситуации интервью на неродном языке ввиду дефицита словарного запаса говорящие правду опрашиваемые демонстрируют краткость, что может восприниматься как признак обмана. Общающиеся на неродном языке участники, даже те, кто говорил правду, сомневаются в том, что в искренность их слов поверили. Прослушивание аудиозаписи-образца как метод,

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

стимулирующий к сообщению большего количества информации во время интервью, показал свою эффективность, однако стоит учитывать, что и обманывающие в данном эксперименте после прослушивания аудиозаписи-образца также обогащают свой рассказ подробностями, что, возможно, связано с легкостью задания. Результаты данного исследования могут быть использованы в практической работе сотрудников силовых структур и судебной системы.

Ключевые слова: распознавание обмана, вербальные характеристики, экспериментальное исследование, психология лжи.

Введение

Проблема распознавания обмана обрела свою популярность среди психологов в XX в., однако до сих пор отечественные и зарубежные исследователи не пришли к единому мнению относительно самого понятия обмана, его характеристик. Так, по мнению известного исследователя А. Врая, ложь определяется как «успешная или безуспешная намеренная попытка, совершаемая без предупреждения, с целью сформировать у другого человека убеждение, которое коммуникатор считает неверным» [1, с. 18]. П. Экман, автор множества книг и фильмов по тематике лжи, определял ее как «намеренное решение ввести в заблуждение того, кому адресована информация, без предупреждения о своем намерении сделать это» [2, с. 14]. Что касается отечественных исследователей, известный специалист в этой области В. В. Знаков дает свое определение лжи, согласно которому ложь — это намерение обмануть партнера путем утверждений, не соответствующих фактам, причем говорящий сам не верит в истинность утверждения. С позиций психологии понимания ложными оказываются не только те сообщения, в которых извращаются факты. Для квалификации лжи как психологической категории достаточно, чтобы один из партнеров по общению, высказывая какое-либо суждение, думал, что он лжет, т. е. считал, что умышленно искажает факты. Это утверждение может показаться парадоксальным, но человек может лгать, сообщая собеседнику истину [3, с. 11, 13]. А. К. Акименко утверждает, что ложь — это утверждение, заранее не совпадающее с истиной и сказанное так осознанно. В обыкновенной жизни ложь — это умышленная передача реальной и внутренней информации с целью убедить другого человека в том, что он сам считает неправдой [4, с. 45]. По мнению Ю. И. Холодного, понятие «ложь» — это сознательное искажение известной субъекту истины, где она представляет собой осознанный продукт речевой деятельности субъекта, имеющий своей целью ввести в заблуждение собеседника [5, с. 21].

Что касается распознавания обмана, исследователям не удалось выявить универсальных характеристик, отличающих обманщиков от людей, говорящих правду. Так, П. Экман основной акцент делает на невербальные характеристики обмана (теплодвижения, мимику), вегетативные проявления. В качестве подтверждения тому, что мимическим проявлениям стоит уделять повышенное внимание, П. Экман говорит о «двойной жизни» лица, т. е. в мимике человека отражаются его реальные переживания, истинные чувства, в таком случае она не подвластна нашим намерениям, однако лицо может и лгать, когда человек научается контролировать его и не позволять истинным чувствам проявляться вовне, при необходимости обмануть человек может использовать заученные выражения лица, доведенные зачастую до уровня

автоматизма и выглядящие более чем правдоподобно. В качестве научного обоснования своей теории П. Экман ссылается на клинические данные, полученные физиологами, согласно которым за произвольные и непроизвольные мимические выражения отвечают разные области головного мозга; на эволюционную теорию и способность распознавать эмоции по выражениям лица независимо от возраста, пола, национальности и расы; большая роль отводится культурному аспекту мимических проявлений, так называемым «правилам лица», которые и ложатся в основу обмана. Зачастую люди вполне осознанно демонстрируют мимические проявления, скрывая истинные чувства и имитируя желательные. Большинство людей предполагают, что смогут заметить фальшь в лице другого, однако согласно проведенным экспериментальным исследованиям П. Экмана это не так: тонкие проявления, микродвижения лица остаются незамеченными [2, с. 70–73]. Что касается вербальных характеристик обмана, П. Экман относится к ним с недоверием, утверждая, что в первую очередь большое внимание лжеца будет уделено именно тексту ложного сообщения, истории, которую можно тщательно продумать, выучить наизусть и даже отрепетировать, доведя до совершенства. Одни авторы предлагают анализировать левую часть лица человека, истинность слов которого следует установить, поскольку, на их взгляд, именно левая часть хуже поддается сознательному контролю (и основанием здесь выступает асимметрия мозга, а именно то, что правое полушарие ответственно за эмоции и воображение, а левое — за интеллект и волевую регуляцию), другие отмечают эффективность аппаратных методов: полиграфа, измерителя тона голоса и др. (Д. Раскин, Д. Ликкен), валидность которых опровергается третьими [6]. Так, например, вызывает отдельный интерес исследование А. Эриксона и Ф. Ласерда, доказавших, что голосовые детекторы лжи являются лишь приборами, фиксирующими низкочастотные речевые сигналы, а не выявляющими не соответствующие истине сообщения [9]. А. Врай в качестве более надежных признаков лжи выделяет невербальные (вокальные) характеристики (повышение тона голоса и увеличение длительности пауз), валидность которых нашла свое подтверждение в ряде исследований под его руководством и других исследователей (Bond, Ekman), а также вербальные характеристики (количество информации, структурированность и логичность изложения и др.). Согласно результатам его многочисленных исследований как среди студентов учебных заведений, так и среди профессиональных изблечителей лжи, было выявлено, что обманывающие участники более кратки, их рассказ содержит меньше деталей, их ответы более уклончивы, неоднозначны, для них характерны негативные высказывания [1]. Более того, А. Врай использует метод оценки валидности утверждений с помощью критериального контент-анализа, который представляет собой ряд критериев, используемых для качественной оценки утверждений. При оценке утверждений Врай руководствуется предположением, что утверждение, в основе которого лежат воспоминания о реально произошедшем событии, качественно отличается от утверждения, в основе которого лежат вымысел или фантазия. К числу критериев, предложенных А. Враем для оценки утверждения, относятся следующие: «логическая структура», «количество подробностей», «описание взаимодействия», «неожиданные затруднения», «признание обрывочности собственных воспоминаний», «выражение сомнений в собственных словах» и др. Данные признаки более свойственны истинным утверждениям и гораздо реже встречаются в придуманных историях. В качестве объяснения данного феномена

выступает необходимость обманывающему человеку запомнить большое количество деталей и нюансов, мобилизовать интеллектуальные способности и познавательные процессы (память, внимание, представление и др.).

Таким образом, мы можем заключить, что до сих пор не теряют своей актуальности исследования характеристик обмана, а опровержение результатов одних исследований результатами других лишь подогревает интерес к данной области. Более того, многообразие исследований определяется их прикладным значением.

В современном мире процессы глобализации затрагивают самые разные сферы общественных отношений, в том числе и правовую сферу. Все чаще участники следственных, судебных процессов не говорят на одном языке. В таких случаях, согласно нормам законодательства, к работе привлекаются переводчики, которые, в свою очередь, оказывают определенное влияние на ход интервью, на его результаты и на особенности распознавания ложной информации.

Проблема кросс-культурных особенностей исследования обмана начала интересовать специалистов сравнительно недавно. За ранней новаторской работой Bond и коллег о кросс-культурных аспектах обмана [7], в которой изучалась возможность фиксировать ложь на стыке культур, последовали более современные работы в этой области, в частности таких авторов, как Da Silva и Leach [8]. Однако следует отметить, что вышеупомянутые работы не имели своей целью выявить особенности влияния переводчика на ход интервью, что является одним из основных направлений данного исследования.

Исследования механизмов лжи показали, что говорящие правду обычно говорят более подробно, чем лжецы [9]. Возможно, лжецам не хватает воображения и способностей озвучить количество подробностей, доступное говорящим правду, или им не хотелось бы озвучивать подробности из страха [10].

Определенный интерес представляет также вопрос повышения информативности рассказа интервьюируемого в связи с предположением, что чем более подробным будет рассказ, тем больше вероятность выявить признаки обмана в его содержании.

Зарубежными коллегами было представлено и апробировано несколько методов, стимулирующих людей предоставлять больше подробностей во время интервью, среди которых введение молчаливого второго интервьюера, доброжелательного в течение интервью [12], или намеренное передразнивание интервьюируемого [14], а также другой способ мотивировать участников к более детальному рассказу — предоставление им подробной аудиозаписи-образца, являющейся примером описания/рассказа на тему, отличную от темы интервью. Результаты ранее проведенных исследований (Fisher, Vrij, Hope) подтверждают, что без подсказки интервьюируемые обычно не раскрывают все, что помнят, отчасти потому, что имеют неверное представление о том, насколько подробного ответа от них ожидают [15]. Данный метод мы также использовали в нашем исследовании и осуществили оценку его эффективности. Наше предположение относительно использования аудиозаписи-образца заключалось в том, что зачастую простой инструкции «Расскажите как можно более подробно» бывает недостаточно, интервьюируемый может сознательно опускать какие-то детали, считая их малозначимыми и необязательными, а аудиозапись-образец демонстрирует, насколько детализированным может быть рассказ, и позволяет участнику быть столь же педантичным в описании всех деталей.

Процедура исследования

В данной статье представлены результаты российской части кросс-культурного исследования, проведенного в Санкт-Петербургском государственном университете в 2014–2015 гг. в рамках международного проекта изучения влияния переводчика на проведение интервью и вербальные характеристики распознавания обмана, осуществленного в Великобритании, США, Южной Корее и России.

Цель исследования — выявление различий между говорящими правду и обманывающими в ходе интервью с участием переводчика и на неродном (английском) языке. *Задачи*: выявление вербальных характеристик обмана, оценка эффективности метода, поощряющего интервьюируемого к более подробному рассказу (аудиозапись-образец).

Гипотезы исследования:

1. Обманывающие сообщают меньше деталей во всех условиях проведения интервью (на родном языке и неродном языке при участии переводчика).
2. Метод аудиозаписи-образца повышает количество сообщаемой информации как у обманывающих, так и у говорящих правду во всех условиях проведения интервью.

Методы исследования: экспериментальный метод, интервью, адаптированный авторский опросник А. Врая.

Выборка и рандомизация. Всего в исследовании приняли участие 65 человек (13 мужчин и 52 женщины), средний возраст — 21,2 года. В процессе рандомизации участников распределяли на две группы: говорящих правду — 33 человека, обманывающих — 32. В интервью с переводчиком приняло участие 37 человек, без переводчика (на английском языке) — 28. Интервью на английском языке проводилось с участниками, имеющими уровень знания английского языка Intermediate (с хорошими знаниями грамматики и большим словарным запасом английского языка, благодаря чему в состоянии уверенно вести беседу на различные темы). С целью определения уровня владения участниками английским языком был разработан специальный тест на понимание английского языка. Участникам предлагалось прослушать короткую аудиозапись и ответить письменно на ряд вопросов, определяющих смысл прослушанного фрагмента. Участники имели возможность выбрать условия проведения интервью, и те, кто выбирал его на неродном языке, более высоко оценивали свои знания английского языка, так, уровень знания Intermediate среди участников интервью на неродном языке составлял 67 %, тогда как среди участников, которые выбрали условие интервью с переводчиком, лишь 36 %. Данная цифра, вероятно, отражает реальную картину, когда люди, хуже говорящие и понимающие иностранный язык, с большей вероятностью прибегают к услугам переводчика, если сталкиваются с необходимостью взаимодействовать с иностранцами в рамках правовых отношений, а тем более с сотрудниками силовых структур. Участники были рекрутированы посредством объявления о проведении эксперимента. Основную часть выборки составили студенты СПбГУ.

Участников информировали о том, что они будут исполнять роль сотрудников службы безопасности, затем в индивидуальном порядке они смотрели видео секретной встречи, целью которой было определить подходящее место для разме-

щения шпионского устройства. Всех участников просили однократно посмотреть видео и как можно лучше запомнить его содержание. По окончании просмотра участников случайным образом делили на говорящих правду и обманывающих. Говорящие правду должны были быть абсолютно правдивыми в интервью. Обманывающих инструктировали давать ложную информацию о выбранном месте, где спрятано шпионское устройство, и его характеристиках. Перед интервью все участники заполняли опросник относительно уровня их мотивации к участию в эксперименте, оценки собственной успешности во время интервью, т. е. насколько они будут убедительны и не вызовут подозрений у интервьюера. Все материалы (видеоролик, инструктирование, опросники) были представлены на родном языке. Затем с участниками проводилось интервью на английском языке с интервьюером-англичанином или на родном языке с интервьюером-англичанином и переводчиком. Интервьюеры и переводчики не были осведомлены относительно статуса участника — обманывающий или говорящий правду — и должны были демонстрировать принятие, доброжелательность. Переводчиками выступали две женщины, свободно владеющие английским языком, перед ними стояла задача максимально дословно перевести ответ от первого лица, не прерывая вопроса интервьюера и ответа участника, допустимо было делать записи ответа. Всем участникам задавали одни и те же вопросы, касающиеся места размещения устройства и его технических характеристик, после чего участникам предлагали прослушать аудиозапись-образец (историю на отвлеченную тему длительностью 1,5 мин как пример подробного рассказа) и задавали те же вопросы повторно, прося быть столь же подробными в своем изложении, как рассказчик в только что прослушанной записи. После интервью участники заполняли опросники относительно оценки своей убедительности, подробности рассказа, а также отношения интервьюера и переводчика (при его наличии) к процедуре интервью и участнику лично. Все интервью записывались на аудио- и видеоносители, впоследствии кодировались и анализировались. С целью более точного анализа все интервью транскрибировались и изучались в форме печатного текста. Персональная информация участников нигде не была указана. Данное экспериментальное исследование было одобрено этическими комитетами СПбГУ (Россия) и Университета Портсмута (Великобритания).

Обработка интервью осуществлялась с помощью предложенного Стеллером и Кенкеном в адаптации А. Врая метода критериального контент-анализа (КАУК), который представляет собой оценку содержательных и качественных характеристик утверждения [1, с. 144]. При анализе результатов экспериментального исследования, проводимого на российской выборке, были выбраны основные критерии — общее время ответов, количество деталей рассказа, сомнение в собственных словах и мнемических способностях. А. Враем было проведено обучение российских экспериментаторов кодированию ответов по критерию «количество деталей рассказа» (одна деталь учитывается однократно, повторение ее далее в тексте не учитывается, деталью считается описание объективных характеристик объектов, пространства, произошедших событий, описание эмоции, возникшей в момент описываемого события; умозаключения, догадки, описание мыслей и эмоций, возникших после описываемого события, деталью не считаются и не учитываются).

Результаты российской части международного исследования и обсуждение

Для проверки гипотез были использованы однофакторный дисперсионный анализ ANOVA и дисперсионный анализ с повторными измерениями. При использовании ANOVA в качестве факторов были выбраны этап эксперимента (до и после прослушивания аудиозаписи-образца), статус участника (обманывающий/говорящий правду) и условие интервью (на неродном (английском), на родном языке с участием переводчика), в качестве зависимых переменных выступали общее количество деталей рассказа, количество деталей до и после прослушивания аудиозаписи-образца, общее время ответов. Во всех условиях проведения интервью общее время ответов (в мин) участников, говорящих правду ($M = 29,56$), было больше, чем у обманывающих ($M = 20,1$), на высоком уровне статистической значимости ($F = 21,217, P < 0,000$). Общее количество деталей, сообщаемых говорящими правду участниками ($M = 113,46$), также было больше, чем у лжецов ($M = 88,5$), на высоком уровне статистической значимости ($F = 5,874, P < 0,018$) во всех условиях проведения интервью. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сравнение говорящих правду и обманывающих участников по показателям «общее время интервью» и «количество деталей»

Показатель	Позиция участника	M	s	F	P
Общее время интервью	Говорящий правду	29,56	10,63	21,217	0,000
	Обманывающий	20,1	7,92		
Количество деталей	Говорящий правду	113,46	39,98	5,874	0,018
	Обманывающий	88,5	40,692		

Если говорить о различиях в количестве деталей при разных условиях проведения интервью, результаты следующие: больше всего деталей сообщают говорящие правду участники в интервью с переводчиком ($M = 130,26$), меньше — лжецы в интервью с переводчиком ($M = 105,73$), еще меньше — говорящие правду в интервью на неродном языке ($M = 90,67$), меньше всего деталей в рассказе обманывающих в интервью на неродном языке ($M = 66,36$), однако данные различия в группах не достигают уровня статистической значимости ($F = 0,260, P < 0,612$). Таким образом, мы можем заключить, что в ситуации интервью на неродном языке ввиду дефицита словарного запаса говорящие правду опрашиваемые демонстрируют краткость, что может восприниматься как признак обмана. Результаты исследования, проведенного С. Эванс в 2014 г., показывают, что участники интервью на неродном языке через переводчика, независимо от своего статуса «говорящего правду» или «обманывающего», сообщают меньше информации, чем участники, общавшиеся с интервьюером на родном языке [12].

Что касается критерия «признание обрывочности своих воспоминаний», на высоком уровне статистической значимости ($F = 11,673, P < 0,001$) говорящие правду участники чаще признавались, что не помнят каких-то моментов ($M = 2$), в то

время как обманывающие с гораздо меньшей охотой признавались в этом ($M = 0,56$) во всех условиях проведения интервью. Согласно результатам ранее проведенных зарубежных исследований, обманывающие стараются избегать демонстрации собственной забывчивости, поскольку рассматривают эту особенность как основание для подозрений в правдивости их слов. Различий между говорящими правду и обманывающими по критерию «сомнение в собственных словах» на уровне статистической значимости не выявлено. Таким образом, можно сделать вывод, что на российской выборке гипотеза 1 подтверждается, поскольку при равных условиях проведения интервью количество деталей, сообщаемых говорящими правду участниками, больше, чем сообщаемых обманывающими.

58 % участников признались, что после прослушивания аудиозаписи-образца они поняли, что их собственный рассказ был недостаточно подробным. Количество деталей, сообщаемых говорящими правду участниками до прослушивания аудиозаписи-образца ($M = 52,85$), на статистически значимом уровне ($F = 7,203$, $P < 0,009$) больше, чем сообщаемых обманывающими ($M = 38,31$) при всех условиях проведения интервью, однако после прослушивания аудиозаписи количество деталей, сообщаемых как говорящими правду, так и обманывающими участниками, повышается ($M = 60,61$ и $M = 50,19$ соответственно, $F = 2,946$, $P < 0,091$). Таким образом, различий на значимом уровне между говорящими правду и обманывающими по данному критерию нет. Согласно результатам исследований, проведенных в 2012 г. Хирн, Фишером и Кэрл, участники, прослушивающие аудиозапись как пример подробного рассказа, также повышают информативность своего ответа [13].

Аудиозапись-образец повышает информативность рассказа и может использоваться как метод, стимулирующий опрашиваемого сообщать больше информации. Гипотеза 2 подтверждается.

Однако разница в упоминании подробностей у обманывающих и говорящих правду не стала заметнее после прослушивания аудиозаписи-образца. Мы полагаем, что говорящие правду дадут более подробный ответ, чем обманывающие, поскольку последним, возможно, будет сложнее добавить столько же подробностей к своему исходному ответу, как говорящим правду. В данном исследовании обманывающих просили исказить информацию, касающуюся просмотренного видеоролика, что могло составить для них слишком простую задачу, поскольку видео содержало достаточно много информации и, соответственно, возможностей для ее искажения. Использование более сложного задания — предмет для изучения в будущем исследовании.

Нами также были проанализированы данные авторского опросника по шкалам «мотивация», «оценка своей успешности до участия в интервью», «оценка своей успешности после участия в интервью»; критерием успешности в данном случае выступала внутренняя убежденность в том, что интервьюер поверил участнику, не усомнился в искренности его слов. На уровне статистической значимости ($F = 9,249$, $P < 0,003$) субъективная оценка своей успешности во время интервью уже после его прохождения как у обманывающих, так и у говорящих правду участников в условиях, когда интервью проходило на неродном языке (английском), гораздо ниже ($M = 1,82$), чем в условиях, когда интервью проходило на родном языке с участием переводчика ($M = 2,49$), при максимальном значении 4. Таким образом, мы

можем заключить, что общающиеся на неродном языке участники, даже те, кто говорил правду, сомневаются в том, что в искренность их слов поверили.

Что касается критерия мотивации, участники эксперимента демонстрировали достаточно высокую мотивацию на успешное выполнение задания ($M = 2,98$ по 4-балльной шкале), различий на статистически значимом уровне между говорящими правду и обманывающими участниками в разных условиях проведения интервью выявлено не было, однако следует отметить, что обманывающие, взаимодействующие с интервьюером на неродном языке, были более мотивированы на успешное выполнение задания ($M = 3,29$), чем в условиях присутствия переводчика ($M = 2,94$), и выше, чем говорящие правду участники в обоих условиях проведения интервью ($M = 2,93$ в интервью на неродном языке и $M = 2,84$ в интервью с переводчиком, $F = 0,539$, $P < 0,466$).

Также нами были исследованы показатели субъективной оценки участниками своих ответов на вопросы, задаваемые во время интервью, с позиции правдивости/лживости (в процентном соотношении), статистически значимых различий выявлено не было, однако наличие переводчика во время интервью провоцирует увеличение объема информации, не соответствующей истине, как у обманывающих, так и у говорящих правду участников, задачей которых было сообщить исключительно правдивую информацию, не искажая ее.

Выводы

В целом результаты проведенного исследования подтверждают данные, полученные зарубежными специалистами в области распознавания обмана, о том, что обманывающие лица характеризуются большей краткостью в своих ответах, сообщают меньше информации, чем люди, говорящие правду; лжецы не склонны признаваться в своей забывчивости относительно тех или иных фактов или событий, возможно, предполагая, что таким образом могут вызвать подозрения в истинности своих слов. Общение на неродном языке значительно сокращает объем информации, сообщаемой как говорящими правду людьми, так и обманывающими, таким образом, с целью распознавания обмана, в том числе в правовом поле, целесообразно прибегать к услугам переводчика, однако присутствие переводчика провоцирует увеличение объема информации, не соответствующей истине, что также необходимо учитывать при организации работы.

Аудиозапись-образец как метод, стимулирующий опрашиваемого сообщать больше информации, показал свою эффективность в интервью как на неродном языке, так и с участием переводчика и может быть использован в практической деятельности, однако стоит учитывать, что и обманывающие в данном эксперименте после прослушивания аудиозаписи-образца также обогащают свой рассказ подробностями, возможно, это связано с легкостью задания.

На следующем этапе с целью уточнения полученных результатов и выявления различий между обманывающими и говорящими правду участниками в разных условиях проведения интервью планируется проведение исследования с усложнением условий эксперимента в части когнитивной нагрузки на участников, проведение интервью на родном (русском) языке, а также при разработке дизайна исследования планируется уделить внимание выравниванию выборки по гендерному признаку.

Литература

1. Фрай О. Ложь: три способа выявления. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 286 с.
2. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. Серия: Сам себе психолог. СПб.: Питер, 2010. 196 с.
3. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9–17.
4. Акименко А. К. Ложь в системе социально-психологической адаптации // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 45–49.
5. Холодный Ю. И. Полиграфы (детекторы лжи) и безопасность. Справочная информация и рекомендации. Серия «Библиотека полиграфа». Вып. 1. М.: Мир безопасности, 1998. 221 с.
6. Пиков И. Е. Проблемы использования нетрадиционных способов распознавания лжи на предварительном следствии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-netraditsionnyh-sposobov-raspoznavaniya-lzhi-na-predvaritelnom-sledstvii> (дата обращения: 14.09.2018).
7. Bond C. F., Rao S. R. Lies travel: Mendacity in a mobile world. In P. A. Granhag & L. A. Strömwall (Eds). Deception detection in forensic contexts. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2004. P. 127–147.
8. Da Silva C. S., Leach A. M. Detecting deception in second language speakers // Legal and Criminological Psychology. 2013. N 18. P. 115–127.
9. Eriksson A., Lacerda F. Charlantry in forensic speech science: A problem to be taken seriously // International Journal of Speech Language and the Law. 2007. Vol. 14. N 2. P. 169–193.
10. Masip J., Sporer S., Garrido E., Herrero C. The detection of deception with the reality monitoring approach: A review of the empirical evidence // Psychology, Crime & Law. 2005. N 11. P. 99–122.
11. Nahari G., Vrij A., Fisher R. P. Exploiting liars' verbal strategies by examining the verifiability of details // Legal and Criminological Psychology. 2014. N 19. P. 227–239.
12. Ewens S., Vrij A., Leal S., Mann S., Jo E., Fisher R. P. The effect of interpreters on eliciting information, cues to deceit and rapport // Legal and Criminological Psychology. 2014. doi: 10.1111/lcrp.12067.
13. Hirn D. E., Fisher R. P., Carol R. N. Use of a hybrid interview method to retrieve memories created during decision making. Paper presented at American Psychology Law Society Conference, San Juan, Puerto Rico. 2012.
14. Shaw D. J., Vrij A., Leal S., Mann S., Hillman J., Granhag P. A., Fisher R. P. Mimicry and investigative interviewing: Using deliberate mimicry to elicit information and cues to deceit // Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. 2015. Vol. 12, N 3. P. 217–230.
15. Fisher R. P. Interviewing cooperative witnesses // Legal and Criminological Psychology. Vol. 15, N 1. P. 25–38.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2018 г.

Статья принята к публикации 10 декабря 2018 г.

Контактная информация:

Шаболтас Алла Вадимовна — канд. психол. наук, доц.; a.shaboltas@spbu.ru
Гранская Юлиана Викторовна — канд. психол. наук, доц.; j.granskaya@spbu.ru
Халеева Мария Владимировна — ст. преп.; m.khaleeva@spbu.ru
Врай Алдерт — PhD, проф.; aldert.vrij@port.ac.uk

Verbal characteristics of lie detection in different conditions of the interview

A. V. Shaboltas¹, J. V. Granskaya¹, M. V. Khaleeva¹, A. Vrij²

¹ Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² University of Portsmouth,
University House Winston Churchill Avenue Portsmouth Hampshire PO1 2UP, Great Britain

For citation: Shabolta A. V., Granskaya J. V., Khaleeva M. V., Vrij A. Verbal characteristics of lie detection in different conditions of the interview. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2019, vol. 9, issue 1, pp. 45–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2019.104> (In Russian)

The article presents the results of the Russian part of the international research, conducted in St. Petersburg State University in 2014–2015, of verbal characteristics of lie detection in the interview in a foreign language and native language with the participation of an interpreter which was held in Great Britain, USA, South Korea and Russia. The aim of the research was to find the differences between liars and truth tellers in the interpreter-based interview and interview in a foreign language (English). The aim was to find out verbal characteristics of a lie, to estimate the effectiveness of Model Statement (a method which encourages a person to say more information). Sixty-five participants both genders were enrolled in the study. All participants were randomized into two groups — liars and truth tellers. As the main criteria were used the total time of answers, the number of details, the expression of doubt in words and fragmentary memories. The results showed that liars report less information in all interviewing conditions, less willingly admit that they forgot some information. In the interview in foreign language due to lack of vocabulary truth tellers either report less information, so, they can be treated as liars. Participants who had to talk in a foreign language, even those who spoke the truth, doubt that their words were treated as truthful. Listening to a sample audio record as a method which helps to encourage the amount of information during the interview showed its effectiveness, though in this experiment liars either provide more information and more details which can be related to an easy task. The results of the research can be used in the work of law enforcement and judicial personnel.

Keywords: lie detection, verbal characteristics, experimental research, a psychology of lie.

References

1. Frai O. *Lozh': tri sposoba vyivleniia [Detecting Lies and Deceit]*. St. Petersburg, Praym-Euroznak Publ., 2006, 286 p. (In Russian)
2. Ekman P. *Psikhologiya lzhi. Obmani menia, esli smozhesh' [Psihologija lzhi. Obmani menja, esli smozhesh']*. Seriya: Sam sebe psikholog. St. Petersburg, Piter Publ., 2010, 196 p. (In Russian)
3. Znakov V. V. *Nepravda, lozh' i obman kak problemy psikhologii ponimaniia [Falsehood, lie and deception as problems of understanding psychology]*. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1993, no. 2, pp. 9–17. (In Russian)
4. Akimenko A. K. *Lozh' v sisteme sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii [Lies in the system of socio-psychological adaptation]*. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2000, no. 4, pp. 45–49. (In Russian)
5. Kholodnyi Iu. I. *Poligrafy (detektory lzhi) i bezopasnost': spravochnaia informatsiia i rekomendatsii. Seriya "Biblioteka poligrafa" [Polygraphs (lie detectors) and safety: background information and recommendations. Library of Polygraph examiner]*. Issue 1. Moscow, Mir Bezopasnosti Publ., 1998, 221 p. (In Russian)
6. Pikov I. E. *Problemy ispol'zovaniia netraditsionnykh sposobov raspoznavaniia lzhi na predvaritel'nom sledstvii [Problems of using non-traditional ways of lie detection in the investigation]*. *Izvestiya RSPU of A. I. Herzen*, 2009, no. 114. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-netraditsionnykh-sposobov-raspoznavaniya-lzhi-na-predvaritelnom-sledstvii> (accessed: 14.09.2018). (In Russian)
7. Bond C. F., Rao S. R. *Lies travel: Mendacity in a mobile world*. In P. A. Granhag & L. A. Strömwall (Eds). *Deception detection in forensic contexts*. Cambridge, England, Cambridge University Press, 2004, pp. 127–147.
8. Da Silva C. S., Leach A. M. Detecting deception in second language speakers. *Legal and Criminological Psychology*, 2013, no. 18, pp. 115–127.
9. Eriksson A., Lacerda F. Charlantry in forensic speech science: A problem to be taken seriously. *International Journal of Speech Language and the Law*, 2007, vol. 14, no. 2, pp. 169–193.
10. Masip J., Sporer S., Garrido E., Herrero C. The detection of deception with the reality monitoring approach: A review of the empirical evidence. *Psychology, Crime & Law*, 2005, no. 11, pp. 99–122.
11. Nahari G., Vrij A., Fisher R. P. Exploiting liars' verbal strategies by examining the verifiability of details. *Legal and Criminological Psychology*, 2014, no. 19, pp. 227–239.

12. Ewens S., Vrij A., Leal S., Mann S., Jo E., & Fisher R.P. The effect of interpreters on eliciting information, cues to deceit and rapport. *Legal and Criminological Psychology*, 2014. doi: 10.1111/lcrp.12067.
13. Hirn D.E., Fisher R.P., & Carol R.N. Use of a hybrid interview method to retrieve memories created during decision making, Paper presented at *American Psychology Law Society Conference*, 2012, San Juan, Puerto Rico.
14. Shaw D. J., Vrij A., Leal S., Mann S., Hillman J., Granhag P. A., Fisher R. P. Mimicry and investigative interviewing: Using deliberate mimicry to elicit information and cues to deceit. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 2015, vol. 12, no. 3, pp.217–230.
15. Fisher R. P. Interviewing cooperative witnesses. *Legal and Criminological Psychology*, vol. 15, no. 1, pp. 25–38.

Received: October 12, 2018
Accepted: December 10, 2018

Author's information:

Alla V. Shaboltas — PhD, associate professor; a.shaboltas@spbu.ru
Juliana V. Granskaya — PhD, associate professor; j.granskaya@spbu.ru
Maria V. Khaleeva — senior lecturer; m.khaleeva@spbu.ru
Aldert Vrij — PhD, professor; aldert.vrij@port.ac.uk